

Лариса и Олег Зарицкие

ЦЕНА ЖЕЛАНИЙ

**Желания мотивируют жить.
Но многие из них исполняются и ранят душу.
А потом тело...**

Украина г. Херсон ноябрь 1998 года.

Промозглый ветер с дождём и вечерняя темнота разогнали всех прохожих на улицах.

В ярко освещённую и тёплую аптеку вошла босая женщина с растрёпанными длинными волосами, в коричневом плаще, накинутом поверх белой ночной рубашки. Она вся дрожала.

В аптеке был всего один посетитель – пожилой, щупленький мужчина. Толстая, высокая аптекарша с красными волосами, видимо приняла её за наркоманку и раздражённо крикнула:

- Метадон только по рецепту. Уходите отсюда.
- Помогите, мне, пожалуйста, - прошептала женщина. – Помогите!

Мужчина посмотрел на её ноги. По ним текла кровь и быстро растекалась тёмно-красной лужицей. Подол её ночной рубашки был весь красный. Опустив голову и увидев под собой лужу крови, женщина потеряла сознание и упала на пол...

Скорая привезла её в один из Херсонских роддомов. Пульс у женщины почти не прощупывался.

- Кровотечение началось ещё до вашего приезда? – спросила молоденькая медсестра у врача скорой, когда женщину переложили на каталку. – Где её документы? Как фамилия?

- Да, до приезда. А документов нет и фамилии я не знаю, - врач замялся. – Сказали, что она зашла в аптеку и потеряла сознание.

Пока санитары везли женщину в операционную, медсестра осмотрела карманы плаща. Там был украинский паспорт.

В операционной её сразу подключили пульсоксиметр и аппарат искусственного дыхания.

- У плода гипоксия, - определила хирург.- Состояние тяжёлое.
- Сердцебиение плода шестьдесят, пятьдесят восемь, семь, продолжает падать, - отсчитывала пульс не рождённого младенца медсестра.
- Отслойка плаценты. Нужно срочно извлекать ребёнка! – скомандовала хирург. Когда тельце окровавленного младенца достали из чрева матери, ни она, ни

мальчик не дышали.

- У плода пульса нет. Мы их потеряли, - констатировала хирург.

Мёртвому ребёнку перерезали пуповину и положили на стол рядом с матерью. Обоих накрыли простынёй.

- Смерть роженицы и плода наступила 18 ноября в 22.13, - диктовала хирург, а медсестра записывала в операционный журнал. – В резуль...

- Уа-Уа-Уа, - тишину операционной разорвал громкий крик младенца.

- Он жив, - радостно вскочила медсестра и откинула простыню.

- Но этого не может быть! – удивилась хирург. – Его сердце не билось более десяти минут!

Так родился Димитрий.

Глава 1

Москва май 2010 года.

Я прошёл обследование и первый курс лечения в одном из онкологических институтов Москвы. В день, когда были готовы последние заключения и анализы, медсестра принесла в мою палату лекарство и завтрак.

- Вас просил зайти Станислав Борисович, - сказала она.

Проглотив таблетки, запил и надевая куртку, вышел из палаты. Кабинет профессора был совсем рядом. На двери висела табличка с его регалиями. Я постучал и сразу вошёл. Профессор Вяземский, сидел за своим столом и что-то быстро писал. Это был высокий, седовласый мужчина с тонкими чертами лица. За его спиной, на стене висели многочисленные доказательства профессиональных достижений в золочёных рамочках.

- Да, проходите, - он увидел меня и жестом указал на стул, напротив. Что-то дописал и, сняв очки, так пристально посмотрел мне прямо в глаза, как будто готовил к чему-то. Внутри всё сжалось. По взгляду профессора я понял – результаты анализов его не порадовали. Не смотря на то, что морально готовился к подобному разговору, но его слова прозвучали как приговор.

- К сожалению, Пал Сергеич, чуда не произошло, - он явно сопереживал мне и нервно теребил кончик своего носа, хотя подобные вещи говорил своим пациентам, наверное ежедневно. – Мы смогли остановить рост опухоли, инвазию в прилежащие ткани и не допустили метастазирования, но это лишь временный эффект, пока вы поддерживаете необходимую дозу препарата в организме. Но препарат убивает вашу печень.

Как не готовил себя к подобному, всё равно слова профессора прозвучали как приговор. Всё тело закололо иголками, а в голове зазвенели слова – чуда не произошло, чуда не произошло. Если бы не сидел, то мог бы и упасть на мгновенно ослабевших ногах. Странно, всегда считал себя сильным человеком. Даже думал, что не боюсь смерти, а оказалось – боюсь и очень сильно. До дрожи в ногах. До немеющего языка и паники, которая мгновенно охватило меня. Но чтобы не опозориться перед профессором, попытался взять себя в руки и как можно более спокойнее спросить:

- И сколько мне осталось? – я старался говорить тихо и медленно, боясь сорваться. Очень тяжело это слышать в сорок шесть, хотя, наверное и в шестьдесят не легче, но этого я уже не узнаю.

- Всё очень индивидуально, - профессор взял снимок и посмотрел на него. - Вы действительно хотите это знать?

- Да, если можно.

- Думаю, не больше полугода. Это в лучшем случае. Дальнейшее лечение может продлить этот период, но одновременно приведёт к ещё большей интоксикации и астении всего организма. Решать вам. В конце концов, вы можете обратиться в другую клинику.

- А что бы вы сделали на моём месте, профессор?

- Честно? - он задумался, нахмутив свои кустистые седые брови. - Знаете, я часто езжу на семинары и однажды мы с коллегами говорили об этом. Я спросил у них, пойдут ли они сами по тому кругу, по которому пускают своих пациентов. И знаете, что мне ответили?

Я с интересом смотрел на него.

- Семь из десяти сказали, что принимали бы лекарства до тех пор, пока они снимают боль, а потом покончили с собой. Я с ними солидарен, поэтому так откровенен с вами.

- Понял Станислав Борисович. Тогда проведу эти полгода, или сколько мне там осталось в загулах и пьянстве, - я старался говорить с улыбкой, но голос немного дрожал.

- Алкоголь я бы не рекомендовал, так как это может ускорить рост опухоли.

- Это я так глупо шучу, профессор. Спасибо, что сказали правду, - я встал и протянул ему руку на прощание. Рука вроде бы не дрожала.

Профессор вышел из-за стола и сжал мою ладонь, крепкой рукой хирурга.

- Вот возьмите, - он протянул мне листок с адресом.

- Что это?

- Это адрес одного целителя в Украине. Как врач, я не имею права вам его советовать, но раз официальная медицина оказалась бессильна, - он вздохнул и развёл руками. - Я слышал, что он очень многим помогает.

- Когда могу выписываться? - я взял бумажку и положил в карман куртки.

- Как скажете, хоть завтра.

- А можно сегодня?

- Понимаю, - профессор первый раз улыбнулся за время разговора. - Хорошо, я распоряжусь.

- Удачи вам, - попрощался я и вышел из кабинета.

На ватных ногах, вернувшись в палату, долго не мог придти в себя. Но лежать не мог. Сидеть тоже. Как загнанный зверь, ходил от окна к двери. В голове пульсировала только одно слово – полгода, полгода, полгода. Как же так? Почему? За что? Не хочу! Я не готов!

Сейчас я ненавидел деньги, которые всегда считал мерилем своего успеха. Зачем мне теперь то, к чему я стремился. То, что имею, если здоровье кончилось.

В эти минуты готов был отдать всё, чтобы только этой болезни не было, но чудес на свете не бывает. Все планы и дела теперь казались ничтожными и не нужными. Перед лицом близкой смерти всё разом потеряло смысл.

Но нельзя паниковать. Нельзя показывать свой страх. Значит так должно быть. Сам же говорил, когда кто-то уходил раньше срока – судьба такая. Значит и мне нужно достойно пройти это испытание.

Немного придя в себя и успокоившись, позвонил водителю. Потом принял душ и переоделся. За время лечения тяжело было привыкнуть к молчащему телефону, потому, что старую симку я вынул, чтобы никому ничего не объяснять, а новый номер знал только водитель и Вика. Но через неделю я даже начал получать удовольствие от отсутствия звонков. Так хорошо, когда тебя никто не беспокоит и ты не носишь с собой этого маленького свидетеля твоей жизни.

Машины дожидался уже во дворе клиники, сидя на скамейке в парке и дышал воздухом. Впервые за много лет, смотрел не перед собой, а вокруг. Конец мая в этом году удивительно тёплый и солнечный, а я и не заметил как деревья позеленели. На душе стало совершенно спокойно. Настроение ровное. Видимо потому, что отношусь к тому типу людей, которые не плачут над разбитой чашкой. Нет смысла жалеть о том, что нельзя изменить. Теперь нужно жить с этим. Как важно знать правду! Странно, но именно отсутствие иллюзий меня реально успокоило.

По дороге домой впервые просто смотрел на проезжающие машины и спешащих людей на тротуарах. Я знал, что у всех свои заботы, проблемы. Но теперь понимал настоящее значение слова - суета. Перспектива у всех одна и та же. Только они ещё об этом не задумываются, а мой поезд уже начал движение туда, где нет суеты, и часы отсчитывают время до моего прибытия. Поэтому, моё ощущение времени уже изменилось, а для них ещё нет. Я как бы входил в другое измерение, ещё не понимая, но каждой клеточкой ощущал, что мои минуты наполняются другим смыслом и свободой. Всегда считал, что её человеку дают деньги. Но сейчас, находясь на заднем сидении своей машины, которая везла меня домой сквозь московские пробки, вдруг понял, как заблуждался все эти годы. Деньги дали мне лишь свободу выбора, но при этом связали многочисленными ограничениями. Настоящую свободу я начинал ощущать только сейчас - перед лицом своей смерти. Когда она взмахнула надо мной своим костлявым крылом и указала на тщетность всех моих усилий под названием успех. Только сейчас понимал, что, всё, что до этого считал очень важным, вдруг стало ничтожным и отошло на второй план. Ведь теперь мне некуда спешить, не нужно строить грандиозных планов, радоваться очередным накоплениям, или огорчаться своим потерям. Время начинает наполняться яркими красками, которые раньше просто не замечал.

За окном машины замелькали коттеджи. Мы въехали в посёлок, где совсем недавно купил новый дом. Тогда меня это событие очень радовало. Сейчас - полное равнодушие.

Открылись ворота, и машина въехала во двор.

- Заедешь завтра в девять, - сказал я водителю и, поднявшись в дом, бросил сумку с вещами в прихожей.

Вики дома не было, а звонить ей я не хотел. Переодевшись, спустился в гостиную и зажёл камин. Сел в кресло и, укрывшись пледом долго смотрел на огонь. Мыслей никаких не было. Просто смотрел. Сам не заметил как уснул. Проснулся, когда уже стемнело.

На часах было за полночь. Вики по-прежнему не было. «Вот так и не заметит, что меня уже

нет», - подумал я, почему-то вспоминая, как глупо познакомился с ней в ресторане год назад. Мне тогда не понравился вкус вина и я попросил пригласить администратора. Администратором этого ресторана была Вика. В деловом костюме, с пышной копной рыжих волос и замечательной улыбкой. Через неделю я заехал туда поужинать и снова увидел её. Ужинали мы уже вместе, а через день она уволилась и переехала ко мне. Теперь она жила своей жизнью, а я своей. За этот год мы пережили все стадии семейной жизни. От отчаянной близости, когда хочется вместе и в туалет ходить, до абсолютного молчания по вечерам во время совместного ужина. Даже спали уже в разных спальнях. Пока не было только ненависти, но и страсть уже исчезла. Как и не было. Поэтому Вика ничего не знала о моих проблемах со здоровьем. Для неё я летал на переговоры и изучал новую страну для инвестиций, а не лежал на обследовании. При разнице в двадцать лет у нас не могло быть духовной близости, поэтому в её сочувствии я нуждался меньше всего, чтобы не нарваться на фальшивые слёзы.

Проснувшись утром, по инерции принял душ и спустился на завтрак. Завтрак - это овсянка и морковный сок. Ужасная гадость, но на удивление, у меня был аппетит.

- Доброе утро, Павел Сергеевич, - домработница Анна налила в чашку зелёный чай и отошла к плите.

- Доброе, спасибо, Анна, - я отпил глоток.

Я вдруг понял, что с удовольствием ем эту овсянку. Так будто это удивительное творение кулинарного искусства. Мне действительно было очень вкусно, как никогда.

В 09.00 взял портфель с документами и спустился в машину.

- Давай на Соколовского, - сказал водителю.

Там меня ждал мой нотариус.

Девушка – секретарь мило улыбнулась.

- Проходите, пожалуйста. Марк Борхович уже ждёт вас.

Когда я вошёл в его кабинет, нотариус встал и вежливо поклонился, как в те времена, когда ещё уважали и любили своих клиентов. Он был без пиджака, в тёмной жилетке, которая сочеталась по цвету с рубашкой и бабочкой. Небольшой животик выдавал в нём человека ведущего спокойный образ жизни. В кабинете приятно пахло дорогим парфюмом.

- Проходите, любезный Пал Сергеич, - улыбался он мне как родному. -

Присаживайтесь в кресло. У меня уже всё готово. Осталось только вписать

фамилии наследников.

Он положил передо мной два экземпляра завещания и сел напротив.

Всё движимое и недвижимое я записал на свою супругу Светлану и сына Дениса. Вике оставил только Лексус, на котором она ездила, и двушку в Химках. Анне - небольшую сумму денег в качестве выходного пособия. Поставил свою подпись.

Нотариус скрепил все экземпляры своей подписью и печатью.

- Какие распоряжения по оглашению? – спросил он.

- Всё по процедуре, - я улыбнулся и попрощался с ним. - Удачи вам, Марк Борхович.

- Спасибо, любезнейший, Пал Сергеич, - он встал и сделал полупоклон. - Всегда рад. Всегда.

На фирму не поехал. Не было ни малейшего желания. Тем более, что все дела по фирме перед лечением, я передал управляющей компании. А поехал я... в зоопарк. Побродил, посмотрел животных, поел мороженого. По дороге домой опять смотрел на людей, но сегодня уже не так философски, а как-то по иному. Так, будто я посвящённый, а они пока нет. Даже пробки по дороге меня совсем не раздражали. Это придавало моим ощущениям некий новый импульс приближающейся тайны, которую пытались узнать многие из живущих, но ещё никому не удавалось.

Вика была дома.

- Ты раньше вернулся, милый. Что-то случилось? – спросила она, формально поцеловав меня в щёку.

- Нет. Просто раньше всё уладил. Вот пару дней могу отдохнуть.

- Странно, раньше ты только ночевать приезжал.

- Обдумываю новую сделку, поэтому решил уединиться.

- Хорошо, не буду тебе мешать. Ты не возражаешь, если я сегодня немного задержусь у Веры?

- Нет, конечно. Мы же договорились. Деньги на карточке есть?

- Да спасибо, дорогой, - она поцеловала меня в губы и тихо ушла.

Даже не побывала со мной, не спросила ни о чём. Хотя мне уже тоже было не интересно разговаривать о её делах и проблемах. Так, что всё взаимно. Обижаться я мог только на самого себя. Зрелый мужчина, сожительствуя с молодой женщиной, не должен питать иллюзий. Молодость дарит своё тело в обмен на деньги зрелости. Душа в этот преискурант не входит. Сопереживать по-настоящему и быть настоящим другом может только любящая женщина, близкая по возрасту и мировоззрению, которая прожила с тобой много лет в печали и в радости. Сердце сжалось. Как же мне сейчас не хватало моей Светланы. Только она смогла бы понять меня. Но мы уже два года живём отдельно.

Ночью снилось море, бесконечное и удивительно красивое, а утром, когда спустился на завтрак, Анна протянула мне мятый листок бумаги.

- Что это? – не понял я.

- Это было в кармане вашей куртки, которая лежала в сумке. Я перед стиркой проверила карманы и решила, что это может быть важно. Посмотрел на бумажку и вспомнил профессора Вяземского. Это был адрес какого-то села в Херсонской области. Целителя звали Димитрий. «Вот что мне нужно! Небольшое приключение. Вряд ли поможет, но от скуки на какой-то период точно спасёт! Заодно и со Светланой с Денисом повидаться» Приняв решение, я открыл компьютер и забронировал ближайший билет до Киева. Вылет был вечером. Забронировав отель и машину, начал собираться в дорогу. Путешествие к знахарю начиналось.

Глава 2

Прилетев в Киев, оформил машину и поехал в отель. Киев я знал. Жил здесь пару лет, поэтому добрался без проблем. Ужинать не хотел и сразу заснул. Рано утром я уже был в пути. Мне предстояло проехать чуть более шестисот километров. Дорога была новая и очень ровная, практически без поворотов, уходящая к горизонту. Широкая, как автобан, но с ограничением до 110. Невысокую скорость компенсировала лёгкая музыка и прекрасная погода – яркое солнце, голубое и безоблачное небо, нежно зелёные поля по обе стороны дороги. Незаметно пролетели двести пятьдесят километров и по указателю пришлось свернуть на обычную двухполосную и проезжать много различных городков и деревень.

По дороге вспоминал своё детство. Почему – то вспомнил, как в детском саду, перевернул на себя тарелку с горячим супом. Получил сильный ожёг. Боль не помню. Но вспомнил, как отец на руках, две недели, носил меня в поликлинику, которая находилась в нескольких километрах от дома. Вспомнил, как болело ухо, и врач говорила родителям, что возможно я оглохну. Но ничего, всё обошлось. Только левым ухом слышу чуть хуже, чем правым. Но жить мне это не мешает. Потом, почему-то вспомнил, как в школе с пацанами задирали юбки девочкам из класса. Баловались все, а наказали меня одного. Тогда мне было очень обидно, сейчас смешно. Вспомнил, как дрался с пацанами из старших классов, не желая отдавать мелочь, чем заслужил уважение и меня освободили от этой дани. Вспомнил смешную девочку из класса, похожую на мышку. Её кажется звали Мариной и она мне очень нравилась. Своё внимание я выказывал во время уроков, постоянно поглядывая в её сторону. Был замечен и прилюдно высмеян всеми девочками.

После восьмого класса я ушёл из школы и детство кончилось.

В техникуме была другая жизнь.

Во второй половине дня я добрался до Херсона. Там узнал, что до этого села ещё километров шестьдесят, которые проехал по пыльному просёлку. Аборигены указали на небольшой, под красной крышей, чисто побеленный домик, с большим двором. То, что здесь живёт целитель, было видно издали по скоплению машин и людей у двора. Да, прелесть народной медицины налицо.

Перспектива простоять здесь несколько дней в ожидании своей очереди меня не радовала. За углом, в поле было несколько палаток. Возле одной из них развешивала детское бельё женщина лет сорока в цветастом халате. Я обратился к ней.

- Скажите, а как записаться на приём?

- К Димитрию?

Я кивнул.

- Там, во дворе, - она махнула рукой в сторону дома.

Во дворе стояло несколько длинных скамеек, на которых сидели люди с детьми. В углу, в тени дерева, под навесом, был дощатый стол, а за ним сидел белобрысый парень лет пятнадцати и важно лузгал семечки. На столе лежал блокнот и ручка, указывающие на его статус. Я подошёл к нему.

- Как мне записаться к Димитрию?

Он оценил меня опытным взглядом и открыл блокнот.

- Вы откуда?

- Из Москвы, - сказал я, в надежде, что парень учтёт расстояние, которое я преодолел.

- Димитрий приймэ, - парень полистал блокнот. — Тока в субботу е врэмя, — глядя снизу вверх, сверкнул кривозубой улыбкой.

- Через три дня? — удивился я, понимая, что ему всё равно, откуда я приехал.

- Такова жизнь, - философски сказал парень и с важным видом закурил сигарету.

Из дома вышла девушка с младенцем на руках. К ней подошла та женщина, которая была у палатки.

- Ну, шо, дочка? — нетерпеливо спросила она.

- Тихо, мамо, - цыкнула на неё девушка. — Бачиш, уснув. Доктор казав, шо щё завтра и всэ буде добрэ.

- Ой, слава богу! — зашептала женщина, несколько раз перекрестив ребёнка и вытирая слёзы платком. Они вышли со двора.

- Сивашко есть? — крикнул парень с блокнотом.

Полный мужчина лет пятидесяти, постоянно качающий головой, встал со скамейки и рассеянной походкой, пошёл в дом. Остальные облегчённо вздохнули.

Я сел на скамейку у стола, рядом с парнем и тихо спросил:

- А что никак нельзя ускорить процесс? Ну, например на завтра, на утро, - и я подмигнул ему.

Парень оживился, стряхнул шелуху с футболки и открыл блокнот. Полистал и тихо сказал:

- Та можна, но завтра будэ дороже. Якшо у десять утра.

- Молодец. Сколько?

- Та обычно сотня, но з москвича дви, - он прищурился, наблюдая за моей реакцией.

- А чем мы лучше обычных, - улыбнулся я.

- Та за газ, - он смачно сплюнул.

- Держи, - я не торгуясь, протянул ему под столом тысячерублёвую купюру, сложенную пополам. Это было чуть больше двухсот гривен. Купюра мгновенно

исчезла в его штанах.

- Завтра шоб не опаздывали. Прыходьте як за полчаса. Фамилия ваша як?

- Самарин.

Он записал в блокнот.

- А где ночевать? – задал я глупый вопрос.

- Та в машине. Можна заночувать у бабы Фроси або к Сидориным. А душ хотите, - он махнул рукой в дальний угол двора. – Так за сараем е. Вода тэпла и бесплатно. Поесть у центре. Добрэ готовят у Колыбе.

Дом знахаря был угловым. Сразу за домом было поле. За полем была видна река.

Поехал в центр села. Там оказалось целых три кафешки: «У Раи», У Тани» и «Колыба»

Я выбрал третье, как рекомендовал пацан, и не ошибся. Внутри было скромненько, но очень чисто и уютно. Аппетитно пахло жареным мясом. Это усилило моё чувство голода. Рот наполнился слюной, как у собаки Павлова.

Розовощёкая хозяйка с пышным бюстом любезно согласилась приготовить мне постный овощной супчик. Она порекомендовала свой морс, но я отказался, не желая испытывать желудок в такой экстремальной ситуации. Взял простую воду в бутылке. Вспомнил, что про удобства у пацана не спросил. Но они наверняка где-нибудь во дворе, рядом с душем.

- Шо к Димитрию? – поинтересовалась хозяйка, одарив меня своей золотой улыбкой. Три передних зуба у неё были золотыми.

- А у вас ещё тут есть врачеватели? – удивился я.

- Та не, - улыбалась она. – Он один такой, - и нежно добавила. – Кормилец наш.

- В каком смысле? – не понял я.

- Та до него мы тилькы своим хозяйством та городом спасались. А тепер живём як добри люды.

И сыти и здорови. Старшому сыну ось у Хэрсони квартиру купыла, а младшой у нёго администратором робыть, - гордо сообщила хозяйка.

- Так это ваш сын? Шустрый парнишка, – я понял, почему он рекомендовал именно это кафе. Правильно организованный семейный бизнес достоин уважения.

- Так, Сёмка, молодэць. На институт соби грошы збирае. У Киев хоче ехать.

- А почему колыба? – спросил я. – От слова Колыбельная?

- Ни. Так ранише корчмы называлы. Ну, трактиры по-руськи. Мои конкуренты, - она кивнула в сторону соседских заведений. – В честь сэбе поназывали, дуры, по-модному. А у мого прадеда своя колыба була.

Тэпэр и в нас е.

- И всё за счёт приезжих к Димитрию? – не поверил я.

- А то. Я ж кажу кормилец наш.

- И что многим помогает?

- Та усем, хто с добрым сердцем, - улыбалась она.

- А с не добрым?

- А з недобрым гонит. Но вы нэ хвилюйтэсь, у вас сэрце добрэ. Вам вин поможе.

- А откуда вы знаете?

- Знаю, - уверенно сказала хозяйка. - А ось и ваш супчик. Кушайте на здоровьице. Все овощи домашние. Видных никакой хвори не будет. Я попробовал суп. Он был очень горячим, но съедобным.

Перекусив, поблагодарил гостеприимную хозяйку и поехал обратно. Солнце уже клонилось к закату. Решил пройти к реке по натопанной тропинке. Поле оказалось коротким, и я остановился на краю обрыва. Внизу была широкая излучина реки, за которой простирались бескрайние поля до самого горизонта. Солнце красиво отражалось багрянцем в спокойном зеркале воды. Воздух был удивительно чистым. От реки тянуло свежестью. Вокруг была удивительная тишина!

Тут я заметил ступеньки, вырытые в земле по направлению к реке. Подошёл ближе. Они вели к небольшой площадке, прямо внутри обрыва. И на этой площадке, скрытый от людских глаз со всех сторон, сидел мальчик и смотрел вдаль, прямо перед собой. Его руки лежали на коленях, так будто он медитировал, но только ладонями вниз. Он не оглянулся на меня, а я не стал его беспокоить и отошёл в сторону. Полюбовавшись закатом и быстро наступающей темнотой, я вернулся к машине, разложил сидения, достал плед и включил фумитокс от комаров. Где-то далеко лаяли собаки. Под убаюкивающий стрёкот сверчков даже не заметил, как уснул.

Проснулся рано. Было шесть утра. Солнце уже встало, и в машине было немного жарко. Странно, но я выспался. Настроение было замечательное. Я даже поймал себя на мысли, что с момента прилёта в Киев, я как бы забыл о своей проблеме и ни разу не вспоминал о ней.

В палатках ещё спали. Взял полотенце и прошёл во двор за сарай. Туалет действительно был рядом с душем. К моему удивлению, внутри был унитаз, а не выгребная яма. Ничего так, чистенько. Даже сидуха и туалетная бумага есть. Цивилизация!

Душ тоже меня порадовал. Стены, как и в туалете, были облицованы бежевой вагонкой. Прохладная, утренняя водичка меня слегка взбодрила и освежила. Когда я закончил утренние процедуры, пацан Сенька был уже на посту.

- Здорово, Самарин, - он улыбался мне, как старому знакомому.
- Здравствуй Семён. Всё в силе?
- У нас всё как в аптеке, - подтвердил он. - Як спалося?
- Замечательно. Давно так не высыпался.
- Мама сказала, шо можете приехать на сниданок, если шо.
- Сниданок? Это что? - не понял я
  - Ну, завтрак по москальски.
  - Спасибо. Наверное, съезжу. Как зовут маму?
  - Наталья, - заулыбался пацан, довольный, что я согласился.
  - А во сколько же вы начинаете работать?
  - Та у семь. Кто рано встает, тому бог дае, - важно ответил Сёмка.

Вдоль дороги шли коровы, которых хозяева выводили из дворов и провожали в стадо.

В «Колыбе» уже кипела жизнь. Хозяйка в красном фартуке стояла у плиты и что-то помешивала в большой кастрюле, а её помощница – девушка лет двадцати, нарезала овощи.

- Доброе утро, Наталья, - поздоровался я.

- Доброе утречко. А вас як зваты?

- Павел. Я из Москвы.

- Та я знаю, Сёмка казав. Шо вам зробіть на сніданок?

- А салатик без заправки и морковный сок.

- Ну, шо вы ото, як девица красная, этот силос едите. Вчора овощи, сёгодні.

Мужскую силу другим кормить надо, - она подмигнула мне. – Давайте, Павел, я вам борщеца мого налью. Од нёго враз силы прибавляться.

- Нет, Наталья, спасибо. У меня язва, поэтому месячишко нужно воздержаться.

- А, ну да, ну да, - с сочувствием посмотрела на меня. – Тоди салатик. А ты Верка соку з морковы надавы, - сказала она помощнице.

- Дочка? - спросил я, кивнув на девушку.

- Ни. Сусидська девка. Крестница моя.

Через пять минут крестница Верка принесла стакан сока. Я попробовал. Сок был удивительно сладким.

- Как вкусно! Вы что сахара добавили?

- Ни, шо вы, - улыбнулась Верка. – Цэ наша морква. У нас зэмля солодка и родюча.

- А ось ваш салатик, - хозяйка поставила передо мной большую тарелку с крупно нарезанными овощами, обильно посыпанными зеленью.

- Так много? – удивился я.

- Кушайте на здоровьечко и одужуйте, - она искренне улыбнулась.

Салат тоже понравился мне, не смотря на то, что не был заправлен ни маслом, ни сметаной. Огурцы, помидоры, лук, перец были совершенно другими на вкус, по сравнению с Москвой, где все овощи и фрукты без вкуса и запаха, как будто из пластмассы. От этого салата исходил удивительный аромат живой еды. Я и не заметил, как съел всю тарелку. Всё-таки, правда нужна людям. Именно с того дня, как попрощался с Вознесенским, я начал получать удовольствие от этой простой пищи. Ведь опухоль требует особого питания, которое исключает вкус еды, к которому привык. А та еда, которая раньше нравилась тебе – очень нравится ей и она начинает расти и пускать свои корни - метастазы по всему организму. Женщины занимались своими делами и украдкой поглядывали на меня

- Добавки? – спросила хозяйка, очень довольная, что мне понравилось.

- Нет, спасибо большое. Никогда столько не ел.

- На здоровье. На обид я вам голубчики овощни зробию, - предложила она.

- Спасибо. Обязательно заеду.

Когда вернулся, было уже девять часов. Сёмка взглядом дал понять, что всё по плану. Минут через сорок вышла сухонькая бабулька в платке и меховой

жилетке, поверх халата. Улыбаясь и бормоча себе под нос, пошла к калитке. Остановилась, повернулась к людям,

- Спасибо люди добри. Дай вам бог здоровья, - она поклонилась в пояс и, перекрестившись, пошла на улицу.

- Самарин, - Семка смотрел на меня.

Я встал и пошёл в дом. Открыв дверь, попал в небольшой квадратный коридор. Пахло какими-то травами. За занавеской было следующее помещение. Там стоял старый диван с вертикальной деревянной спинкой и мягкими боковинами. Рядом с диваном полированный столик и два тряпичных кресла с деревянными подлокотниками, тоже из советской эпохи. На диване и креслах были белые накидки. В углу чёрный металлический сундук и комод. На стенах висели фотографии людей, видимо, родственников. Окна были зашторены, поэтому в комнате был полумрак.

Сразу обратил внимание на то, что нет никаких шаманских или колдовских атрибутов.

И чего-то ещё явно не хватало в этом интерьере, но я никак не мог понять, чего именно.

За свою жизнь я пару раз посещал деревенских бабушек, которые лечат заговорами. Так у них чего только не было. Особенно много было разных икон по углам и крестов. Вот! Вспомнил!

В этой комнате не было ни одной иконы. Я ещё раз осмотрел углы. Нет, ни икон, ни образов, ни крестов, ни лампадок. Странно.

Слева открылась дверь и в комнату вошёл темноволосый мальчик лет двенадцати в длинной рубашке с расшитым воротом и рукавами. На Украине такие рубашки называют вышиванками. Он сел в кресло и показал мне рукой на второе, приглашая сесть. Я сел. Сразу обратил внимание, что мальчик босой. Он, не мигая, и как-то по взрослому, смотрел на меня. «Видимо знахарь отошёл, а мальчика попросил присмотреть за мной», - подумал я.

Так продолжалось несколько минут.

- А Димитрий скоро придёт? – не выдержал я.

- Скоро. Вы трохи отдохните, - сказал он и громко щёлкнул двумя пальцами. Мне показалось, что выключился свет. Вначале была полная темнота. Потом всё закружилось перед глазами и куда-то понеслось. Я, вдруг, оказался в светлой прозрачной пустоте.

Ни сверху, ни снизу, ни сбоку ничего не было. При этом была абсолютная тишина. Никаких звуков и запахов. Тело налилось приятной тяжестью. Ни руками ни ногами я пошевелить не мог.

Но голова была ясной как никогда. И отовсюду шёл голос. Громкий но тонкий, почти детский.

Я слышал его и снаружи и как будто внутри себя. Страх не было. Во всяком случае я его не чувствовал

- Твоя болезнь, цэ опухоль, - сказал голос. – Шо ты зараз чувствуешь – жар чи

холод?

- Мне холодно, - я вздрогнул, так как действительно почувствовал сильный озноб. Голос говорил на суржике – смеси русских и украинских слов, но я понимал его.

- Причина болезни - твой страх, одиночество, злоба. Ты сильно переживав, – говорил голос, - Та довго жив в цёму состоянии. У тебэ пропалы сылы и организм нэ змиг побороты цю болезнь.

Вдруг, прямо перед собой я увидел совершенно голого человека без лица. При этом я видел все его органы. Видел, как у него билось сердце, и кровь бежала по сосудам.

В желудке у этого человека была каша с крупными красными и зелёными фрагментами, плавающими в розовой жидкости.

- Так это же мой желудок! - догадался я. – Это же я ел салат и запил морковным соком.

- Так, цэ твой желудок, - голос подтвердил мою догадку. – А внизу, злева твоя болезнь.

Ты заболел два роки тому.

Я увидел слева небольшую выпуклость, которая как бы горела красным цветом. На фоне тёмных внутренностей её было очень хорошо видно. На снимках у профессора опухоль была просто чёрная. Профессор Вяземский называл эту больную кишку слепой.

- Шо случилось два роки назад? – спросил голос.

Я задумался, вспоминая, что было два года назад.

- Меня бросила жена, - сказал я, и передо мной сразу поплыли те события - как тяжело мне было в тот момент, как рвалось сердце от одиночества. Я не понимал, почему она ушла. Ведь мы любили друг друга. Четырнадцать лет прожили вместе как один день. Но она ненавидела Москву. Не могла жить в этом городе. Поэтому два года назад уехала на Украину к сыну. А я не смог, всё бросить, потому, что в тот момент депутатствовал. Да и бизнес не хотел бросать.

- Да, - сказал голос. – А росты вона почала недавно. Шось ще случилось пивроку назад.

- В декабре я проиграл выборы, - перед глазами сразу понеслись картины тех событий, потому, что до сих пор не мог забыть этот период грязной, изнурительной борьбы с себе подобными за то, чтобы остаться у власти и не терять доступ к бюджетным деньгам. На меня опять накатил волна ненависти к своим бывшим коллегам, тем, кто остался в депутатском кресле. От нахлынувших чувств, очень сильно сжал подлокотники кресла. В этот момент выпуклость на кишечнике стала намного ярче, прямо алой и начала пульсировать.

- Да, ось як вона реагуе, - сказал голос. - А ось и печинка, яку ты вбиваешь тым лекарством от своей болезни.

Я действительно увидел, что печень по краям тоже пульсировала ярко алым цветом.

- Ладно, на сёгодня фатэ, - сказал голос и я опять услышал щелчок. Снова был в той комнате, а передо мной сидел мальчик. Удивлённо осмотревшись вокруг, никого больше не увидел.

- А где Димитрий? – спросил я.
- Це, я, - спокойно сказал мальчик, похожим, но детским голосом.
- Но ведь со мной беседовал мужчина.
- Це вам так казалось, тому, шо представлялы Димитрия мужчиной. Якшо б я сразу сказал, шо це я, вы бы пишли.
- Однозначно. Потому что все знахари - шарлатаны.
  - А чому тоди прыехалы?
- Скорее от скуки. Я один. Бизнес меня больше не интересует. А профессор порекомендовал.
  - Вы можете сёгодня же поехать обратно.
  - Нет, теперь я хочу узнать, чем всё это закончится. Я что, действительно видел свою болячку?
- Ну, вам же наверняка её вже показували.
  - Да, но там техника, учёные.
- А тут простой хлопчык, - засмеялся Димитрий.
- Я не хотел тебя обидеть, - извинился я. – Просто ничего подобного я даже предположить не мог. До сих пор не могу поверить в это.

Сразу вспомнил вчерашнего медитирующего на закате мальчика. Значит это был он.

Я был настолько поражён увиденным и услышанным, что на какое-то время впал в ступор.

- Мэни потрибно ше два сеансы, - Димитрий вывел меня из оцепенения.
- Всего два? - удивился я. – И сколько же это стоит?
- По сто гривен за сеанс.
- Как по сто гривен? – не поверил я. – Это же копейки!
- Вы можете заплатыты стильки, скильки завгодно. Я збыраю гроши на строительство малэнькой гостиницы для людэй, шоб вони не жылы у tych палатках. Но з людэй беру тильки сто гривен з дорослого и пьятдесят з малэнького. Для ных цэ велики гроши.

- И буду здоров? – я пытался скрыть иронию в голосе, хотя у меня это плохо получилось. Но Димитрий никак не отреагировал на моё недоверие. Он был совершенно серьёзен.

- Якшо прислухаетэсь до моих советов, то поправытэсь. Ваша болезнь рождена вами и вылечить себэ можете тильки сами. Сёгодня я показав её вам. Завтра покажу путь до излечения, а пisleзавтра проведу заключный сеанс. Но пройты цэй путь должны вы сами, – он замолчал, давая мне осмыслить сказанное. Потом улыбнулся. - А зараз можете йти. Менэ чекають инши больни. Сёмка вам скаже врэмя на завтра. Я вышел обалдевший. На улице ярко светило солнце. Я сел за Сёмкин стол и задумался.

Нельзя верить этому мальчишке. Всё моё сознание противилось этому. Целые институты бьются с раком, а большинство людей всё равно умирает. Профессор Вознесенский – светило науки! И тот развёл руками и отказался меня

лечить, мотивируя бесперспективностью. А этот мальчишка говорит, что я буду здоров через два дня. Чушь! Чушь полная! Да, зря приехал.

- Сомневаетесь? – спросил меня Сёмка.
- Конечно. Как может мальчик вылечить рак?
- А вы не сомневайтесь, - уверенно сказал он. – Делайте, усэ як говорит Димитрий, и проживёте ще сто лет. Он знает, яких больных пиднимав. До нёго профессора из самого Киева приезжали советоваться.
- Врёшь, - не поверил я.
- Димитрий запрещает креститься, алэ я могу поклясться, - он перекрестился.
- А чего он запрещает креститься?
- Каже, шо лукави люды придумали цэ всэ. Верить, каже, нужно в свит и справедливисть. Тоди равновесие в организме будэ, а болезней не будэ.
- Какое равновесие? – не понял я.
- Вин каже, шо в каждом из нас живэ мужчина и женщина. Они должны быть в равновесии. А коли одного бильше чи меньше, человек болеет.
- А с меня ты, значит, по справедливости две сотни содрал? – улыбнулся я
- Я предложил – вы согласились. Цэ бизнес. Ничого личного.
- Я опять задумался. За два дня меня не убудет. Хуже всё равно не будет. Зато интересный спектакль посмотрю.
- Сходить на речку, искупнитесь, - прервал мой мыслительный процесс Сёмка.
- Точно! Давно я в речке не купался. Как называется?
- Ну, ты москвич даешь! – удивился Сёмка. – Цэ же Днепр! Сама велика река Украины. Рэвэ та стогнэ Днипр шырокий, - начал декламировать он.
- Понял. Тем более пойду. В Днепре я ещё никогда не купался.

Глава 3

Вода в реке была чистая, но тёмно-серая и ледяная. На глубине сильно сносило течением. Но именно вода немного остудила ту бурю противоречивых эмоций, которая бушевала во мне.

Искупавшись, лежал на горячем песке под полуденным солнышком. Закрыв глаза, опять увидел перед собой свои внутренности. Незабываемое впечатление! Как же всё-таки он это делает? Ведь это не фокус. Я реально всё видел. Да... правильно пел Высоцкий – удивительное рядом, но оно запрещено. Если этот мальчик такой уникальный, почему о нём никто не знает? Почему разных шарлатанов показывают по всем каналам, и они потом по штуке баксов за сеанс с лохов берут.

А тут парень с рассвета за копейки людей с того света вытаскивает, а о нём знают только в узком кругу родственников, кому он помог. Стоп!

А кому он помог? Никаких фактов у меня нет. Всё что мне говорил Сёмка можно услышать в окружении любого «мага». Надо по подробнее поговорить с матерью Сёмки, откуда взялся этот мальчик, а потом посмотрим. Она кстати голубцы обещала, а я после купания жутко проголодался.

В «Колыбе» хозяйки не было, но была Вера, её помощница.

- Доброго дня вам, - увидев меня, она приветливо заулыбалась. - Наталья вам овощных голубчиков зробила. Ось в духовочке томятся.

- Несите скорее, Вера. Я проголодался.

Через пару минут девушка поставила передо мной большую тарелку горячих, дымящихся голубцов. Приятно запахло тушёными овощами.

- Вера, а можно у вас спросить?

- Да, шось не так? – она немного опешила.

- Нет, нет. Всё в порядке. Мне у вас очень нравится, и кормите вы очень вкусно, - успокоил я её, используя старый приём – чтобы расположить к себе, похвали человека. – Присядьте, пожалуйста. Я хочу спросить про Димитрия.

- А, - девушка сразу успокоилась и присела за мой стол.

- Скажите, Вера, откуда он приехал.

- Да ниоткуда, - неожиданно ответила она. – Вин у нас родився. Вернише не в нас, а у Херсоне. Наша, Верка Лысак, его родила, царство ей небесное, - девушка перекрестилась. - Сама помэрла при тых родах. И вин, кажуть мэртым родився. Врачи казали в морге, аж тилькы через час ожил. Представляете? – она опять перекрестилась. - От кого там Верка понэсла, нихто не знае. Тильки, мати у Верки давно померла, а у сели у неё одна титка Антонина, старая и осталася.

Ось вона и взяла пацана, шоб дитё в детдоме не мучилося. Вы помитыли, шо вин босый ходыть?

- Да, заметил, - кивнул я.

- Цэ тому, шо его мати босую в том ноябре до роддому привэзли. Ось и вин николи обувь не носыть. Даже в зымку.

- А как же нашли эту тетку Антонину, если Верка умерла? – недоверчиво спросил я.

- Так у Верки при соби паспорт був. А там пропыска. Вона ж у Херсоне кимнату знимала. Тута у нас ни роботы ни мужиков. Ось и поехала.

- И потом что?

- Ну, шо потом, - девушка задумалась, припоминая те события. - Мальчик той доходягой був, думалы, не выживэ. Усё Антонине рукой на цветок, якый на окне стояв, показував. Вона и пиднесла его до того цветку. Так он отломил, и увесь цветок изжевал дёснами, прям со стеблем. С того дня всю хворь у него як рукой зняло.

- И сколько же ему тогда было? – удивился я.

- Так месяца три, мабуть, и було. Потим и говорыты почав. И зразу як дорослый, предложениями. И пишов рано, ще до року.

- А лечить когда начал?

- Так з Антонины и почав. Вона тоди сыльно ревматизмом мучилася.

Особенно в зымку. Так он ей поназывал яки-то травки, сказав, як зварыты. Видтоди у нэё ни разу спына не болела.

Як молода ходыть. А ей вже за семьдесят!

Я пытался оценить услышанное. Всё было очень похоже на разные местечковые

легенды.

- А почему о нём никто не знает, не пишут, не снимают?

- А вин усих прогоняе. Приезжали декилька раз с камерами, так вин дома закрывся и никого не пустыв. Усем, каже, не поможешь. Здесь, каже, родився, тут и помру.

- То есть ему деньги и слава не нужны?

- Ни. Вин каже, шо человек должен иметь стильки, скильки йому потрибно, шоб жити и займаться своим дилом. Остальное, вин кажэ, для эго, - она посмотрела на тарелку с голубцами. – Так вы кушайте! Шо ж я, дура, забалакала вас, воны и остыли.

Я попробовал один голубец.

- Нет, нет, Вера. Они как раз тёплые, такие, как мне нужно, - успокоил я её. - А что такое эго?

- Нэ знаю, я з ним сама не балакала. А цэ тётка Наталья такказала.

Когда выходил из «Колыбы», мимо, поднимая клубы пыли, пронеслись три чёрных джипа. Они ехали в сторону домика Димитрия. Я догнал их и припарковал свою машину в теньке под деревом, так, чтобы хорошо видеть двор.

Все три джипа остановились у двора знахаря. Из первого вышел крепкий мужчина в чёрном костюме и зашёл во двор. Быстро поговорил с Сёмкой и незаметно сунул ему зелёную купюру. Сёмка подошёл к какой-то женщине, которая ожидала своей очереди, что-то пошептал ей на ухо, и та закивала головой, соглашаясь.

Когда от Димитрия вышла вчерашняя девушка с младенцем на руках, охранники вышли из всех трёх машин. Из второй, кто-то вышел и в плотном кольце охранников прошёл в дом. Лица разглядеть не удалось. Было только понятно, что это женщина и шла она очень медленно. Все охранники остались снаружи, а женщина вошла в дом.

Девушка с младенцем на руках стояла у своей палатки. Её мать счастливо рассматривала своего внука или внучку.

- Бачиш, дочка, и ночью вже спав спокійно, и днём не плакав, - говорила женщина.

- Ой, мамо, нэ знаю. Аж, не вирытсья, шо вылечили.

- Вылечили, дочка, вылечили, - женщина крестила малыша.

Я подошёл к ним.

- Извините, я вижу, вам Димитрий помог? – почти шёпотом, чтобы не разбудить малыша, спросил я.

- Да, у Тёмочки «младенчик» був, - так же шепотом ответила мне женщина.

- Что врачи не справились?

- Врачи цэй «младенчик» нидэ не лечат. А у ребёнка судорогы. Всэ тило крутыть, пэрэкручуе. Орав сутками. Якшо цэ не вылечить, ребёнок чы помирае, чы эпилепсия.

Мы уж куды его тилькы не возылы. Нихто не змиг помогти. А ось Димитрий за три

дни вылечил. Храни его господи, - она повернулась и перекрестила его дом.

- Желаю малышу здоровья. И вам тоже, - тихо сказал я и пошёл в свою машину.

Примерно через сорок минут вышла та женщина и в кольцо охранников вернулась к машине. Лица я опять не разглядел. Видимо охранники её для этого и закрывали. Все быстро сели в машины, и кортеж уехал, оставив после себя облако пыли.

Я размышлял. Значит не шарлатан этот мальчишка, раз к нему такие крутые тётки лечиться ездят. Эти если, что не так и похоронить могут. Да и этому мальцу помог, новорождённому. Видимо есть у него дар целителя. Но, неужели от всех болезней лечит? Разве можно всё знать и лечить?

Да и деньги смешные берёт. В Москве наоборот. Если дёшево – значить гадость или подделка. Поэтому и стоит всё в разы дороже. Типа, за качество. И при этом никаких гарантий, что в элитном, дорогом бутике не купишь китайскую дешевую подделку, а в дорогом ресторане не отравишься несвежей рыбой или мясом. Да, как всё таки разнообразен мир.

Вечером решил немного размяться и пройтись к реке. Солнце как раз было на закате. Пошёл к обрыву.

Димитрий уже сидел на своей смотровой площадке. Услышав мои шаги, он оглянулся.

- Цэ вы? Присаживайтесь, - подвинулся, уступая мне место на скамейке.

Я спустился по ступенькам. Площадка была довольно большая и скрывала меня почти полностью. Посередине была врыта скамья, на которой сидел Димитрий. Я присел рядом. Внизу, казалось, под самыми ногами, текла река. А солнце было прямо перед глазами. Оно было какое-то удивительно большое и яркое. Даже в очках тяжело смотреть на него, а Димитрий без очков, не мигая, смотрел перед собой.

- Можно вас спросить? – вдруг спросил он, глядя перед собой.

- Конечно, - согласился я.

- Одни людэ думают, шо сами роблять свою судьбу, другие, шо всё предопределено.

Як вы думаете, хто з них прав?

- Думаю, что каждый может в любой момент изменить свою судьбу, - уверенно ответил я, потому, что искренне считал - выбор всегда за мной.

- Цэ не так. Правы и вы, и ти, хто думает шо всё предопределено.

Я посмотрел на Димитрия. Передо мной сидел мальчик. Противоречие визуального образа и того, что он говорил мне явно мешало. Тогда я представил, что это взрослый карлик. И сразу картинка совместилась со смыслом.

- Как могут быть правы и те, и другие, - не понял я. - Если их мнения противоположны?

Димитрий отвечал, продолжая смотреть перед собой и держа ладони на коленях.

- Каждый сам решает, дэ вчиться, на кому жениться, робить чи быть артистом, маты своих дитэй чи не. Алэ життя, воспитание, возможности и желания

человека заставят его принять те решения, как вы примете и никак другие. Полгода назад вы могли не идти на те выборы?

Мне было тяжело понимать все слова. Некоторые приходилось разгадывать по смыслу всей фразы, но я всё равно понимал, что он говорит. Я задумался, вспоминая те события. Когда ты на вершине, самому сойти с пьедестала и добровольно уступить своё место другим? Нет! Никогда!

- Нет, - уверенно сказал я. – В любом случае я бы принял именно это решение.

- Ось. Вам казалось, что вы управляете жителями. А эта жизнь управляет вами, а вы только помогаете ей.

Я задумался. А ведь он прав. Конечно, я мог поступать иначе, но в любой ситуации я поступал так, как считал верным на тот момент времени.

- То есть всё предопределено заранее? – спросил я. – Потому что providение знает, какое решение примет человек и что с ним потом случится.

- Так, - ответил он. – И касается это и людей, и всего иного. Дивиться. Кто-то одни люди шутят, а потом оно происходит – что это? Хитро можно предвидеть случайность? Ни!

Что кто маленький ребёнок вдруг как – Я вырасту и буду артистом. И потом становиться тем артистом. Как будто всё было случайным, то этого бы не могло быть.

Я замолчал, каждый думал о своём. Я поймал себя на мысли, что начинаю доверять этому мальчику. Ведь он совершенно не пытается мне понравиться, потому что ему всё равно, приду я завтра или нет. Но он действительно знает что-то такое, чего не знают другие.

Солнце зашло, оставив багряные полосы на горизонте. Наступала ночь.

- Если хочешь, можешь переночевать у нас. Тётя Антонина вам постелит.

- Спасибо, если это не стеснит вас.

- Ни. У нас достаточно места.

Он встал и пошёл к дому. Я продолжал сидеть, пока темнота не поглотила всё вокруг.

Потом появились звёзды. Я давно заметил, что в разных частях земли небо имеет разную высоту. В Заполярье – оно очень низкое и на меня это всегда наводило депрессию. А здесь небо высокое, выше чем над Москвой, звёзды удивительно яркие и их очень много.

Когда я пришёл в дом Дмитрия, в той комнате, где он меня принимал утром, уже был застелен диван с деревянной спинкой. В комнату зашла сухонькая, пожилая женщина в косынке и тёплом, бардовом халате.

- Вы Антонина, тётя Дмитрия? – спросил я.

- Да. Добрый вечер, - сказала она. – Я вам постлала. Спокойной ночи.

Она вышла. Я выключил свет, разделся и лёг. В окно светила луна, а сверчки выводили любовные трели.

Вдруг я увидел себя на вершине какой-то горы. Солнце клонилось к закату. Воздух был наполнен жаром раскалённых камней и запахом миндаля, доносившимся из города внизу.

На вершине этой горы вместе со мной стоял ещё один человек. Пожилой и босой, в рваном дырявом плаще на голое тело, а я был молодой, высокий, в золочёных одеждах с диадемой на голове. Мы смотрели, как внизу, у стены, близ городских ворот, хоронят человека.

Людей пришло немного. Они зарыли тело, а над могилой поставили небольшую мраморную колонну с высеченным барельефом собаки. Речей никто не говорил. Все молчали.

- Видишь, Александр, - старик обратился ко мне, почему-то назвав Александром, - Я жил как собака, а хоронят меня как человека.

Я вдруг вспомнил, что знаю этого грязного старика. Его зовут Диоген.

- Да, Диоген, - ответил ему. - Я прожил как Царь, но люди теперь делят моё царство и совсем забыли о моём теле. Похоронят меня только через неделю, - с грустью в голосе ответил я

- Получается, что ты жил для них. Теперь им есть что делить, - сказал Диоген.

- Но я завоевал мир, - воскликнул я.

- Теперь ты понимаешь, что завоевание мира – это иллюзия?

- Да, Диоген, - задумался я. - Теперь вижу, что мир так огромен и вечен, и покорить его невозможно, потому, что человеческий страх кончается вместе с тираном. Ты был тогда прав, я всего лишь человек, живший в мире своих иллюзий. Но почему я прожил так мало, а ты так долго, а умерли мы в один день?

- Удовлетворять сердце – значит ранить его. Сильно большая радость ранит сердце.

У тебя было слишком много радостей, Александр, а я жил скромно и просто радовался солнцу, скромному крову, который у меня был и пище. Поэтому ты прожил всего 33 года, а я наслаждался жизнью 89 лет.

- Но я жил как Царь, а ты как собака, в бочке! – засмеялся я.

- Поэтому, меня похоронили сразу, как человека, а твоё разлагающееся тело похоронят только через неделю. Когда Птоломей, внебрачный сын Филиппа, твоего отца, которому достался в управление Египет, вдруг вспомнит о тебе и настоит на том, чтобы тебя временно захоронить в Вавилоне...

Я открыл глаза. Ничего себе сон. Такие сны я ещё никогда не видел. Даже сейчас мне казалось, что чувствую этот раскалённый воздух и на мне эта одежда.

Я провёл рукой по волосам, чтобы убедиться, что это сон и никакой диадемы на мне нет.

Прямо мурашки по коже.

Закрыв глаза и задумался о смысле увиденного. А ведь Диоген прав. Как мало оказывается нужно человеку, для нормальной жизни. Крыша, кровать, еда, ну машина. Всё остальное - тщеславие, указывающие на принадлежность к тому или иному классу землян. А тщеславие возникает от узости мироощущения, потому что картина мира заканчивается на границе твоей квартиры, дома, участка или автомобиля. А у соседа больше! Поэтому хочется всё время расширять эти границы

до безумных и никому не нужных размеров. Увеличивая иллюзию своего земного могущества.

И только на пороге жизни понимаешь, что это призрак, что никакого могущества нет, потому что всем на тебя настрять и преклоняются и лебезят только из страха, потому, что такие же как и ты и хотят того же. Твоё могущество только у тебя в голове. А главное – понимаешь, что зря потратил своё время.

Вспомнилась одна песенка – «Мы всё равно умрём. Зачем же добиваться? Давайте наслаждаться!».

Посмотрел на часы. Было шесть утра. Удивительно, но на Украине всегда хочется просыпаться рано. Я это заметил ещё, когда жил в Киеве. В Москве и в девять просыпаешься не выспавшимся и разбитым, а тут в шесть или в семь утра, а бодр и весел.

Начинался новый день моей новой, видимо, теперь, сознательной жизни. Это в 46 лет!

Теперь мне было очень интересно, что же будет дальше.

Глава 4

Утро вступало в свои права. На горизонте медленно всплывало солнце. Ни одной тучки. Ветра тоже не было. Воробьи уже начали свой утренний галдёж. Воздух был прохладный,

с приятным запахом каких-то трав. Вчера я этого запаха не заметил.

Взяв в машине полотенце, я пошёл не в душ, а на речку. Правда, долго поплавать не получилось, потому, что вода была ну очень холодная. Но заряд бодрости получил огромный.

Во дворе ещё никого не было. Только за домом, возле сараев увидел тетку Антонину. Она, видимо, кормила домашнюю птицу, разбрасывая вокруг себя зерно и что-то приговаривая.

Пришёл Сёмка.

- Привет Москва, - улыбаясь, как родному, поздоровался со мной за руку.

- Привет, бизнесмен, - пожал его крепкую не по возрасту руку. – Ловко ты вчера для этой дамочки очередь разрулил.

- А то! – загордился он, сядя на скамейку и закуривая.

- Сотню баксов небось содрал? - я смотрел ему в глаза.

- Они у Киеве не обеднеют, - улыбнулся Сёмка. - Для них та сотня, як для мэнэ копейка.

- А кто эта тётка?

- Нэ знаю. Я першый раз их тут бачив, - он потянулся и зевнул. – А у вас як?

- Так вот сегодня первый день лечения. Димитрий сказал, что время ты мне скажешь.

- А, ну да, - он открыл свой блокнот. – Так на дэвять.

На душе было немного беспокойно. Я боялся поверить в благополучный исход, чтобы потом, если этого не произойдёт, второй раз не привыкать к мысли о

смерти. Поэтому я гнал от себя дурные мысли. Но и хорошим не давал возникать у меня в голове и как бы находился посередине. Просто жил, просто дышал.

Дождавшись своей очереди, вошёл в дом.

В комнате, где я ночевал, при зашторенных окнах опять был полумрак.

Димитрий уже сидел в своём кресле. Увидев меня, улыбнулся и кивнул на кресло.

Я присел напротив него.

- Як самочувствие?
- Жив пока, - грустно пошутил я.
- Ну не тилькы пока, а ще довго жити будэтэ, - он улыбнулся, а я неуверенно покачал головой. - Ответьте мэни, пожалуста, на однэ питання, - попросил он.
- Да, задавайте. Отвечу как на духу, - с готовностью согласился я.
- Скажите, Павлу, шо забрала у вас ця болезнь?
- Не понял, - опешил я. – В каком смысле? Болезнь хочет отнять у меня жизнь!
- Ни, нэ правыльнo, - улыбнулся Димитрий. – Подумайте ще.
- Она лишила меня контроля над моей жизнью. От меня теперь ничего не зависит.
- Ни. Як раз од вас зараз багато зависит,
- Свободу?
- Свободы у вас не було. Вы пидчынялыся той жызни, яку вэли.
- Амбиции?
- Ни. Воны уси з вами.

Я задумался, перебирая в памяти последние впечатления, и вспомнил, как ехал домой из больницы, вспомнил отношение Вики, разговор с Димитрием и свой последний сон.

И вдруг понял.

- Болезнь лишила меня иллюзий? – воскликнул я.
- Так, правыльнo. И якшо, вы знову не повэрнэтесь до той жызни, то проживэтэ до глубокой старости.

Я иронично заулыбался такому оптимистичному заявлению. Димитрий не обратил на мою иронию никакого внимания. Он смотрел мне прямо в глаза.

- Тэпэр, шоб пишло лечение, трэба знову повирыты в сэбэ.
- В каком смысле? Я в себе уверен, - опять не понял я
- Ни. Вы должны повирыты, шо будэтэ житы. Знову захотеть житы...
- Согласен, - я утвердительно покачал головой. – Но как это сделать?
- Цэ просто. Нужно всё початы спочатку.
- Как это сначала? Стать нищим?
- Ни. Гроши помогут вам стати иншим человеком.
- Вы уже знаете, каким?
- Вы тэж скоро цэ узнаэтэ, а зараз не отвлекайтесь.
- Но я не понимаю, где мне искать это начало.
- Спробуйте наладыты свои отношения з женой. В вашем случае – цэ начало болезни.

Вы нарушылы баланс свого организма, коли расстались з нею. Тепер нужно всё восстановыты.

- Восстановить что? – не понял я.

- Природа и человек состоит из мужского и женского. Колы эти энергии в организмах

у равновесии – человек здоров. Колы нет – человек болеет.

- И если вернусь к жене, то всё восстановится, и я стану здоров? Так просто? – не верил я.

- При одном условии. Вы оба повинны захотеть вернуть ваши чувства и быть друг другу искренними. Любовь лечит на много скорей и сильнее за меня.

- Хорошо, Дмитрий, - кивнул я. - Я понял и постараюсь наладить отношения с супругой.. Это всё?

- Ни. Теперь лягайте на диван на спину.

Я пересел на диван и аккуратно прилёг, положив голову на мягкий подлокотник.

- За ноги, - попросил Дмитрий.

Я сбросил обувь и положил ноги на диван. Он подошёл ко мне, и согнув в локтях руки, начал водить открытыми ладонями над моим животом. Так как он был, наверное, всего метр сорок или около того, его руки были прямо над моим животом. Я почувствовал тепло, и мне стало так приятно и хорошо, что я сам не заметил, как закрыл глаза. Сколько я пробыл в этом состоянии – не знаю.

- Всё. Можете идти, - как издали, услышал я его голос и открыл глаза.

Дмитрий сидел в своём кресле и смотрел на меня.

- Уже всё? – удивился я, потому, что вставать очень не хотелось. Всё тело как будто находилось в замечательной тёплой ванне. Мне казалось, что я парю в воздухе. Было так хорошо, как будто я хорошо отдохнул и выспался после долгого и изнурительного физического труда.

- Так, на сегодня всё. Завтра приходите в это же время, - Дмитрий улыбался.

Я медленно встал, надел обувь и пошёл к двери. Обернулся.

- Дмитрий, ты действительно думаешь, что я буду жить? – я смотрел ему прямо в глаза.

- Я не думаю, я это знаю, - уверенно ответил он, не отводя взгляд. И я вдруг почувствовал, что теперь и я знаю, что буду жить. Я не знал почему, я не знал как, но я знал, что буду! В теле и на душе появилась удивительная лёгкость. Всё, что давило и угнетало, вдруг исчезло.

Я вышел на улицу. В глаза ударило яркое солнце, которое уже припекало.

Во дворе сидели люди. Я направился к Семке.

И вдруг, сам не понимая, зачем и почему, я обернулся к людям и поклонился им в пояс.

- Спасибо люди добрые, - сказал я, широко улыбаясь. Мне казалось, что я всех их люблю. Люблю эту деревню, Семку, эту реку.

- Я ЛЮБЛЮ ЖИЗНЬ! Я БУДУ ЗДОРОВ! Я БУДУ ЖИТЬ! – громко закричал я.

Начал приходить в себя уже у реки. Я был в какой-то эйфории. Возможно этот всплеск эмоций - защитная реакция организма от перегрева, потому, что с момента разговора с профессором Преображенским, я глубоко спрятал свой страх

перед смертью и старательно изображал такого бесстрашного, причём так вошёл в роль, что сам в это поверил. А теперь, когда мне просто сказали, что я буду жить... Причём, кто сказал? Сельский мальчишка без медицинского образования, но я ему ПОВЕРИЛ! Не знаю почему. Я просто почувствовал, что так и будет. Возможно это такой приступ шизофрении, не знаю. Но мне было удивительно легко, хорошо и приятно.

Дойдя до воды, я сбросил с себя одежду и с разбегу вбежал в воду. Я не чувствовал температуру воды. Я плыл. Изо всех сил. Плыл вперёд. Когда я оглянулся назад, берег был достаточно далеко, но страха не было. Я, не разворачиваясь, стал плыть дальше, пока обрывистый берег с деревней снова не оказался у меня перед глазами. Потом я перевернулся на спину и плавал, раскинув руки и не шевелясь, пока не почувствовал сильный холод. Быстро доплыв до берега, я вышел из воды и весь в мурашках, упал в горячий песок. Как хорошо! Просто река, просто песок, просто я!

Без всяких пафосных пляжей с шезлонгами и официантами.

Успокоившись, вернулся к машине и переоделся. Сел за руль и поехал. Просто ездил по полям, выезжал на какую-то трассу, сворачивал опять в поля. Смотрел по сторонам и наслаждался зеленью бескрайних просторов местных степей.

Только к вечеру вернулся в деревню.

Опять вспоминал свою жизнь, как учился, работал, служил. Тогда я был таким же как и эти люди – простым, добрым и отзывчивым. Даже когда начал заниматься бизнесом я не изменился. Наоборот, чем больше я имел, тем больше хотел помочь ближним и знакомым. Обзванивал своих друзей по службе и приглашал к себе на работу. Платил им очень хорошие деньги. В разы больше, чем получали другие за подобную работу. Мне казалось, что это моя миссия помогать людям и делать их немного счастливее. Иногда возникали мысли, что я практически меняю судьбу человека, выдёргивая его из своего города, иногда из другой страны. Но раз они ехали и годами работали у меня, значит им это нравилось. Значит я был им нужен.

И это питало моё самолюбие. Возвышало в собственных глазах. Только сейчас я понял, что им просто нужны были мои деньги. И все эти улыбки и клятвы в дружбе на днях рождения были фальшивыми и наигранными. Но тогда я гордился тем, что могу им дать больше, чем дала им жизнь без меня.

Очередная иллюзия человека, который стал чуть богаче остальных.

Проблемы видимо начались тогда, когда бизнес вырос, денег стало очень много и я решил, что избранный. Что могу вершить не только судьбы нескольких людей, а многих. Депутатство – вот, что стало началом проблемы. Когда ты оказываешься в стае таких же как сам, начинается новый виток борьбы за существование. Жизнь без правил. Побеждает сильнейший. И слабые или романтики в этой борьбе просто не выживают. Либо сходят с дистанции, либо начинают жить по законам стаи.

Закончив размышления, надел очки и пошёл к обрыву потому, что мне очень хотелось задать Димитрию несколько вопросов. Завтра последний день лечения, и вряд ли получится поговорить.

Он опять сидел на своей площадке, пристально глядя на заходящее солнце.

- Димитрий, не помешаю? - окликнул его.

Он немного помедлил, как бы приходя в себя, потом оглянулся.

- Ни, пожалуйста, прохосьтэ, - он уступил мне место на скамье. Я спустился и присел.

- Сегодня я хочу задать тебе несколько вопросов. Можно?

- Да, спрашивайте, - ответил он, продолжая смотреть на солнце.

- А почему у тебя в доме нет икон?

- Ци образы придумалы людэ для инших людэй.

- Разве бога нет?

- У тому виде, в яком его рисують – ни.

- А что есть?

- Вы нэ боитэся узнать правду? - Димитрий очень внимательно посмотрел на меня.

- Наоборот, я очень хочу знать правду, - заверил я. - Потому, что всё то, что вижу и слышу, больше похоже на грандиозный фальшивый спектакль, в котором актёры изображают праведников, а после службы грешат больше своих прихожан. Это лицемерие священников, наталкивает меня на мысль о фальши. Если человек сам не пьёт своё вино, которое делает - значит оно не соответствует тому, что о нём говорят. Если священники не живут по заповедям, которые проповедуют – значит эти заповеди лживы.

- Я не хожу до церкви. Алэ вы повинни розумиты, шо балакаетэ з мальчиком. Могу подилытыся своими знаниями, якшо интересно, алэ вирыты чы ни в тэ, шо я знаю – выришуваты вам.

- Спасибо за откровенность, но я хотел бы услышать твою правду, потому, что ты живёшь по своим знаниям, а не зарабатываешь на этом. А верить, или не верить, я разберусь. Во что веришь ты?

- Я вірю в Світ.

- В солнце?

- Ни. Для души Світ инший. Він указуе путь, освищае та зигривае душу.

- И что такое душа?

- То шо мене казал титка про рай та ад придумано людьмы. Нема там такого. Тэ шо знаю я, набагато простише. Нихто нэ слидкуе за людьмы, и нихто их нэ зустрічае після смерті, щоб вымиряты той грех.

- То есть смерть это конец? – обречённо спросил я.

- Для тела да. Для души ни. Душа - цэ информация в малэнькой частице свиту.

Душа тягнэться до Свиту. Як капля дождя попадае в ручей, який несеться в річку, чтобы потім злитися з морэм, так и душа стремиться к Свиту щоб злитися з ним, но для цёго ей потрібно пройты багато жизней.

- То есть жизнь не одна?

- Ни, життя - цэ опыт. Опыт нэ тилькы плохого, но и хорошего, ось як у вас.
- Для чего нужен этот опыт?

- С початку душа пуста и важка. Писля життя душа получае опыт и свет починае наполняты её. Душа стае легшэ. Поэтому вона занимает новый ривень. Вы же помичалы, шо е люды, яким вы шось говорите, а они вас нэ розумиють. Так же, е люды, яки знают бильше вас. Души цих людей знаходяться на разных уровнях, по видношенню до вашей. Тому одни не розумиють вас, а инших не розумиетэ вы.

- Да, было такое и не раз, - согласился я, - Но я всегда считал, что это зависит от образования. Одни не понимают меня, потому, что тупые, а другие слишком умные.

- Образование тут нэ важливэ. Якшо ривень души низький, то образование ему не поможет. А высокому ривню души не потрибно образование. Такой человек и так всё знае.

- Интересно. Но почему я понимаю тебя? Ведь наверняка уровень твоей души выше моего.

- Пока вы тильки слухаете, а поймэтэ мэнэ чи ни – нэ знаю. Якшо я вам расскажу як вырощувати кур, вы всё поймэтэ и будэтэ цим займаться?

- Логично. То есть, чтобы душа развивалась необходимо прожить жизнь.

- И нэ одну. Душа як ребёнок и повинна расти. Пока не наполнится свитом, який повнистю заминыть ту пустоту. Душа станэ лэгкою и наблизится до Свиту. А потом зольется

з ним.

- А что такое Свет?

- Свет знае всё обо всём. Душа стремится до Свету не за благами з райского сада, як кажэ моя титка. Свет не може одаривать, и не може наказывать. Якшо душа не проходэ свое испытание, вона остається на своему ривни. Самэ страшнэ для души цэ удаляться вид Света.

- Почему она может удаляться?

- Окрим Света е Пустота. Пустота можэ вернуться у душу. Тоди душа станэ знову важче и можэ повернутыся туди, дэ була ранише.

- Почему пустота опять наполняет душу и кто определяет эти уровни?

- Уровень определяе вес души, яка дається человеку при рождении. Нэ вси люды верить в существование души в их теле. Тому, шо человеком управляє мозг. Мозг любыть буты у тепле, буты сытым и пребывать у покое. Человек починает удовлетворять желания своего мозгу. Мозг быстро привыкае до всёго и хоче ище.

Я сразу вспомнил свой сон и свои выводы, что мы сами расширяем границы своего тщеславия. Димитрий называет этот процесс – удовлетворять свой мозг. Получается, что сон был не случайным.

- Когда человек удовлетворяет свий мозг, вин знову пускае пустоту в свою душу.

А коли пустоты стае багато, человек хоче любым способом получить тэ, шо ему трэба.

Ваша болезнь – от желаний. Вы хотилы дужэ багато. И заболели, колы пересталы контролировать свои желания. А жена ваша хотила простой, нормальной жизни.

- Как всё сложно, - задумался я.

- Всэ дужэ просто. Як мэни говорыв один местный охотник - природа всегда дае нам примеры. Вин казав, шо волк никола не вбье лышню косулю для своей стаи. Тому, шо завтра стая вымрет. И волчата у них появляются тильки тоди, коли достатнѐ еды. А люди беруть стильки, скильки зможуть и дитэй рожают не думаячи про их будущее.

- И что делать человеку, чтобы долго жить?

- Житы по потребности, в любви и согласии зи своею душою.

- Похоже на формулу счастья, которую многие ищут.

- Це вона и е. Якшо соблюдать, будэш жити довго та щасливо.

- А что такое любовь?

- Любовь – цэ такэ особенное состояние души. Настояща любов наполняе душу человека дужэ большим блаженством. Цэ большое чувство не ощущают души на низких ривнях розвытку. Тому многие людэ уверены, шо любви нэма. Воны просто не можуть её почувствовать. Им не дано цэ.

И если душа человека вже испытывала любов в предыдущей жизни, то цэй человек будэ обязательно искати свою половинку. Важно, потим не потерять любов, не проминяты её на пустое, як у вашому случае.

- Хорошо. Если болезни – это нарушение баланса, тогда почему раком и другими болезнями болеют дети. Они в чём виноваты?

- У болезней много прычин. Колы человек удовлетворяет свои желания любой ценой, много Пустоты можэ наполнить его душу, и души его ридных, яки будуть страдать вместе з ним. А иногда и будущих поколений. Видели девушку с младенцем, яки булы вчора?

- Видел. Они сказали, что у мальчика младеник.

- Так, цю болезнь душа хлопчика получила при рождении из-за его отца, якый в юности снасиловал дивчину. Но его жена про це не знае. А пострадал сын.

- То есть, то, что в религии называется наказанием за грехи, по-твоему – увеличение пустоты в теле человека.

- Не по-моему и не в теле, а в души, - уточнил Димитрий.

- И в чём тогда смысл жизни?

- Для души чы для человека? – уточнил Димитрий.

- А это не одно и то же? – удивился я. - Тогда, для человека, остальное домыслю.

- А вы подумайте сами. Звыняйтэ, зараз мэни вжэ нужно йты.

- Хорошо. Буду думать над этим. Спасибо.

Солнце уже село, и мы с Димитрием пошли к дому.

Антонина уже постелила мне. Я лёг, укрылся простынью и, закрыв глаза, стал размышлять над тем, что сказал мне сегодня Димитрий, пытаюсь понять, в чём смысл человеческой жизни. Сверчки за окном сегодня были особенно многоголосны.

Вдруг перед моими глазами появилась аудитория какого-то университета. За кафедрой стоит преподаватель, возможно профессор. На вид ему лет пятьдесят.

Седой, с длинными волнистыми волосами и в очках. Галстук со вкусом подобран к костюму. Перед ним в аудитории сидят студенты и я среди них, тоже студент в образе белобрысого юноши. В модной рубашке и серьгой в ухе, встаю и задаю вопрос профессору. Профессор внимательно слушает меня

- Негг Франкл. Мне 26 лет. У меня уже есть учёная степень. Есть шикарный автомобиль.

Я полностью независим в финансовом отношении, в отношении секса и личного престижа.

Я располагаю гораздо большими возможностями, чем в состоянии реализовать. Единственный вопрос, который я себе задаю – какой во всём этом смысл?

Профессор внимательно выслушал мой вопрос, на секунду задумался и ответил:

- Смысл нужно искать, за него нужно бороться, и борьба эта бывает нелёгкой. Смысл жизни человек не изобретает, а находит в той реальности, в которой живет, и часто сама судьба указывает путь. Обрести его способен каждый, независимо от пола, возраста, интеллекта, образования, характера, среды и религиозных убеждений.

- То есть в данный момент, моё существование бессмысленно? – спросил я.

- Не торопитесь, молодой человек, дослушайте, - осадил меня профессор. -

Смысл жизни каждого уникален. Но существуют и универсальные ценности, которые делают жизнь осмысленной. Это могут быть любимые и близкие существа, сильные переживания и осознания, пробуждение способностей и добродетелей, творчество в любой форме, осмысленный и вдохновенный труд, любимое дело и многое-многое другое.

- Значит я сам должен найти смысл своего существования? – понял я

- Абсолютно верно. Прислушайтесь к себе. Если вам стала неинтересна научная деятельность, возможно вас увлечёт бизнес или творчество. Если вы состоятельный человек, позаботьтесь о тех, кому может понадобиться ваша помощь. Вы должны найти то, что вас действительно увлекает и вы готовы этому посвятить свою жизнь...

Я почувствовал свет в комнате и открыл глаза. Уже рассвело. Оказывается, это опять был сон и мне во сне дали ответ на мой вопрос. Удивительно.

На часах было начало седьмого. Я вышел во двор.

Воздух согревало утреннее солнце. Не знаю, как всегда, но за четыре дня моего пребывания здесь, дождя ещё не было. На душе было легко и празднично. Я знал, что ответить Димитрию по поводу смысла жизни.

Сев за Сёмкин стол и, закрыв глаза, наслаждался утром.

- Доброе утро, - услышал я его голос и, улыбнувшись, ответил:

- Доброе, Сёмка. Вчера, небось, подумал, что я с ума сошёл? – мне было немного стыдно.

- Та не. Багато людэй дуже радие излечению, - спокойно ответил он. – Необычно было видеть именно вас, такого сурового москвича, кланяющегося сельським бабкам. Я чуть не заплакав вчора вид смиху.

- Да, вчера меня прорвало прям. Сам не знаю, что это было.
- Нормально всё, - успокоил меня Сёмка. - Значит, процесс идё и всё будет добрѐ.
- Думаю да, - я кивнул.
- На сниданок поедете?
- Нет. Сегодня что-то не хочу. Посижу с тобой до сеанса.
- Семечек хочете? – Сёмка протянул мне жменю крупных чёрных семечек.
- Давай. С удовольствием, - я протянул руку, и он пересыпал их мне в ладонь.

Потом мы болтали о всякой ерунде, сплёвывая шелуху. Во двор заходили какие-то люди, проходили в дом, выходили. Потом наступила моя очередь.

- Ну, удачи, - пожелал мне Сёмка.
- Да, спасибо, - я встал и вошёл в дом.

Димитрий сидел в своём кресле. Он был очень сосредоточен. Я поздоровался и сел напротив.

- Знайшли ответ на свое питання? – улыбаясь, спросил меня Димитрий.
- Думаю, да, - я смотрел ему в глаза. – Человек должен сам определить для себя смысл. Либо заботиться о ком-то, либо создавать или просто заниматься любимым делом.
- Так. Человек повинен знайти гармонию души, тела и свою любовь.
- Красиво. Нужно запомнить, - согласился я. – Скажи, Димитрий, а что вчера со мной было?
- Вчора вы видкрылы свою душу.
- Но я, как идиот, хотел всех обнимать, целовать, радовался как ребёнок.
- Правильно. Вчора не було нічого лишнього. Тільки душа серця и мозок. И, насколько я зрозумив, вам добрѐ було разом?
- Даже очень хорошо. Я думал, что так сходят с ума.
- Так повертаються до сѐбѐ, - серьёзно сказал Димитрий. - Тепер, давайте лечитися.

Лягайтѐ.

Я лёг на диван и расслабился. Опять почувствовал тепло от рук Димитрия и невесомость.

Не знаю, что испытывает младенец в утробе матери, но думаю, что нечто подобное. Абсолютный покой и безмятежность. Сколько прошло времени, не знаю. Опять услышал его голос.

- Всѐ, Павел. Можете ехаты до супруги.

Открывать глаза не хотелось, но и продолжать лежать я уже не мог. Присел на диван.

- Тепер я здоров? – задал глупый вопрос.
- Ни, тѐпѐр организм борется з болѐзною, а вы повинни помогты йому. Лекарство свое бильше не пийте, а то прийдѐться ликуваты вашу печинку.
- Да, помню, - я встал и подошёл к Димитрию, глядя в его глаза – Спасибо тебе огромное. Не знаю, откуда ты, но твои способности и возможности очень

нужны людям. Спасибо. Здоровья тебе.

У меня на глазах были слёзы. Я не мог говорить.

- Цэ мий смысл життя, - спокойно ответил Димитрий. - Я рад, шо вы цэ зрозумили. Тепэр вы зможете допомагаты людям. Идить. Всёго вам доброго.

Я вышел во двор.

Тогда ещё не придавал значения словам Димитрия по поводу своего будущего.

Только потом, через время, неожиданно вспомнил о них и понял в чём смысл моей новой жизни.

Я немного посидел во дворе с Сёмкой, приходя в себя.

Потом доехал до «Колыбы». Попрощался с Натальей и Верой. Оглянулся на дом Димитрия и поехал в Одессу, к супруге вымаливать прощение...

Глава 5

До Одессы было примерно двести шестьдесят километров, или четыре часа пути. По дороге на меня опять накатили воспоминания...

Вспоминая моменты своей жизни, теперь видел их как бы под другим углом и действительно понимал, что всё в этой жизни не случайно. У меня в голове происходила переоценка всех событий, которые были до знакомство с моей будущей супругой Светланой.

Прочитать повесть полностью Вы можете на сайте:

http://www.plati.ru/asp/list.asp?id_r=11328